

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДЕРИВАТОВ С БАЗОВОЙ СЕМОЙ "КОЛИЧЕСТВО" В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИКРОТЕКСТЕ

Шевцова О.В.,

*к.ф.н., доцент кафедры общего
языкознания УзГУМЯ*

Ташкент, Узбекистан

Исторически в русском языкознании функционирование производных слов со значением "субъективная оценка", начиная с работ А. А. Потебни, рассматривалось неоднократно, в том числе Е. А. Земской, В. Н. Виноградовой, В. В. Лопатиным, в частности, субъективно-оценочному аспекту словообразования посвящён целый ряд работ учёных [см. Лопатин 1987; Виноградова 1987; Земская 1987], однако данный аспект как бы оторван от выражения объективных количественных отношений.

Функционирование производного слова (ПС) в тексте или в пределах его формально и семантически организованном отрезке – микротексте – отражает разные стороны и аспекты организации семантики производного.

В данной статье нами рассматриваются преимущественно те аспекты функционирования ПС, которые связаны с

- актуализацией количественных сем,
- взаимодействием словообразовательных категорий (СК),
- употреблением ПС в необычных микротекстах, создающих своеобразные приращения семантики ПС, их рассогласование с парадигматическим устройством той или иной СК.

В реальных текстах (как письменных, так и разговорных) разные типы ПС распределяется довольно неравномерно.

Наиболее частотными являются ПС со значением субъективной оценки, особенно *деминутивы*, следующую позицию по частотности занимают прилагательные на *-оват-/-еват-*.

Существительные с денотативным характером семантики (единичные, обозначения невзрослых существ, частично собирательные) закономерно проявляют склонность к функционированию в своём прямом значении, тогда как существительные предикатно-характеризующей семантики (имена лиц наподобие *наглец, красавец, крикун*, а также деминутивные и увеличительные производные) имеют очень широкую зону функционирования, употребляясь не только в предикативной позиции, но и в обращениях, субъектной и объектной позиции и т.д., например:

Савина спрашивает: почему Иванов подлец (А.П. Чехов);

Во всех зажиточных мужиках он видел сразу кулаков, в непонятном для него Иванове – сразу подлеца (А.П. Чехов);

А ну-те, говорят, испанский подлец, покажи документ (М. Зощенко);

Да, конечно, я и сейчас ещё подлец (М. Зощенко);

Да я, может, желаю посмотреть, как этот подлец переступит порог этого вертепа (М. Зощенко).

Кроме того, возможно употребление таких лексем, как подлец, дурак, мерзавец (две последних лексемы также рассматриваются в составе соответствующих СК) в позиции десемантизации, выветривания первичного лексического значения, например: Сижу, как подлец какой-нибудь, как каторжный, и на воду гляжу, как дурак какой-нибудь (А.П. Чехов).

Целесообразнее рассматривать преимущественно микротексты с элементами актуализации количественных сем производных слов.

Особенностью СК "единичность" является определённая недостаточность узуальных производных для обозначения одного предмета, единицы массы вещества.

"Высокая употребительность в РР существительных со значением единичности объясняется часто необходимостью в обычном бытовом общении выделить один предмет из многих подобных.

Выражая семантику единичности в пределах слова, такие существительные представляют собой более удобные и компактные обозначения, чем сочетания с числительным один, или со словами одна штука, одна ягода чего-нибудь и т.п.

Кроме того, не все разряды существительных сочетаются с числительными ... существительные вещественные нуждаются в первую очередь в передаче значения единичности ...

Наиболее активное средство передачи значения единичности в РР суфф. -ин(а), который присоединяется к существительным вещественным – ... урючина, инжирина, изюмина, макаронина, кентина (название сигарет), этазолина ..., салатина (один лист салата)" [Земская и др. 1981, 102].

По нашим наблюдениям, для передачи значения единичности используются и суфф. -ин(а), и суфф. -инк(а), и суффиксы, омонимичные уменьшительным и увеличительным, например:

Или рельсину, может, открутить хочет? (М. Зощенко);

Разве что эта ненормальная сорвала паркет с пола ... Хотя сомнительно. Вряд ли забыла, если бы отдирала паркетины (И. Хмелевская);

Путя притворился, что поглощён разглядыванием курчаво-чёрной кротовинки с краю аллеи (В. Набоков);

Надо у кишмишинок поотрывать хвостики (РР);

И небрежно кинули это полёнышко на дрова (М. Зощенко);

Между ними валялись останки какой-то мебели, железяк ... (И. Хмелевская);

Вскочил рыбак и повёл рыбину на чистое место (М. Лобанов).

Из приведённых выше производных наиболее необычным является окказионализм В. Набокова кротовинка – обозначение единицы почвы, взрыхлённой кротом.

Таким образом, наблюдается весьма своеобразная косвенная мотивация: сингулятив образуется не от вещественного существительного, а от зоонима, производителя определённых действий с веществом.

В производном рыбина могут сочетаться значения единичности и увеличительности, однако первое из них представляется доминирующим в данном случае, так как исходная лексема рыба обозначает и единичный предмет, так и (чаще) вещество.

Существительное полено обозначает конкретное существительное, однако ПС полёнышко скорее не деминутив, а дополнительно, словообразовательно подчёркнутый сингулятив, так как по смыслу рассказа М. Зощенко, откуда взят этот пример, "данное" полено выделено из всех остальных.

Кроме того, необходимо упомянуть об особой роли некоторых сингулятивов: песчинка, крупинка (крупница), пылинка, соринка и под., которые чаще употребляются в переносном значении, чем в прямом, а также при сравнении, например: Что ни песчинка, что ни камушек, то и исторический памятник (А.П. Чехов);

В этой сплошной, движущейся массе того, другого, нельзя было найти, как нельзя найти песчинку среди других песчинок (Л. Андреев); ср. также

- ни крупницы разума; как соринка в глазу;
- у него ни пылинки с рук не упало (о скупом человеке) и под. выраж-я.

Подобные сингулятивы теснее других связаны с идеей выражения множества, подчёркнуто

- совокупного (как в примере из рассказа "Город" Л. Андреева),
- гиперболического (как в примере А.П. Чехова),

— "отрицательного" (ни *пылинки*, ни *крупницы*).

Собирательные существительные, как правило, используются в тексте "по прямому назначению", т.е. в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть идею совокупной, нераздельной множественности (ср. *дети* – *детвора*, *звери* – *зверьё*, *листья* – *листва*, *солдаты* – *солдатня*, *студенты* – *студенчество* и др.). Нередко при этом возникают определённые оценочные коннотации, как положительного характера (например, *детвора*, *ребятня*), так и (чаще) отрицательного (например, *матросня*, *солдатня*, *абитура* и под.).

Е.А. Земская отмечает, что разговорные новообразования типа *матросьё*, *офицерьё*, *ребятьё* "нередко наделены экспрессией грубоватости и употребляются лишь в обстановке большой раскованности ... Что это там за пацаньё? Вот болваньё!... Собралось аспирантьё ..." [Земская и др. 1981, 103].

Кроме того, необходимо упомянуть и текстовую интерпретацию установившихся узуальных понятий собирательных существительных.

Так, слово чернь как обозначение совокупности людей в словарном толковании – "совокупность людей, принадлежащих к эксплуатируемым, непривилегированным классам". Однако в выражении светская чернь – это совокупность именно представителей "высших" классов, ср. также:

Ничто мне были все толки, я плевал на презренную чернь, известную под именем публики (Н.В. Гоголь).

Можно также указать на повторное, словообразовательное оформление собирательности в слове хламьё, образованного от лексического собирательного существительного хлам:

Эти съёмщицы тоже торгуют хламьём (В. Гиляровский);

а также на возможность выделения членимых, но непроединительных собирательных. Например, хоботьё (прост., устар.) – "Пожитки, старьё".

Таким образом, словообразовательное согласование представляет собой более широкое явление, чем экспрессивно-смысловое согласование имён существительных, в которое могут быть вовлечены все разряды знаменательных слов. Поэтому исследование отражения базовой семы "количество" при помощи словообразовательных средств является одной из насущных задач современной лингвистики.

Литература:

1. Виноградова В.Н. Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. – М.: Наука, 1987. – 238 с.

2. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М., 1981. – 120 с.
3. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русск. яз., 1987. – 238 с.
4. Лопатин В.В. Словообразовательные средства субъективно-оценочной прагматики высказывания и текста // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах: Виноградовские чтения. – Вып. XIV-XV. – М.: Наука, 1987. – С. 143-161.